

своего рода, Землей Обетованной. Свои взаимоотношения с Домом человек строит в зависимости от своего Я. Дом есть отражение личности человека, его душевно-духовное убежище.

ДИХИТОМИИ ЮРИДИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАК ОСНОВА ДУХОВНО-ПРАКТИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Л.С. Постоляко

Представляется возможным сформулировать следующий критерий разграничения юридического мировоззрения и правового мышления. Последнее определяется методом, логикой формирования правовых смыслов. В отличие от него юридическое мировоззрение характеризуется ценностной доминантой, содержит в себе основополагающие правовые ценности и специфицируется ими. Предлагаю рассматривать юридическое мировоззрение как ценностную основу правовой культуры общества и личности, являющуюся каналом взаимодействия этой культуры с философской, религиозной, нравственной, политической культурой. Нельзя отрицать тесную взаимосвязь правового мышления и юридического мировоззрения хотя бы потому, что ценности последнего предстают в качестве идеальных значимостей, выступающих предельными основаниями, условиями возможности как самого мышления о праве, так и объективированных форм правовой действительности (правовых институтов и правоотношений).

Всякая ценность характеризуется двойственностью. С одной стороны, ценность трансцендентна, ибо первоисточник ее сокрыт, загадочен (будь то по-кантовски трактуемый умопостигаемый, ноуменальный мир или бытие в смысле М. Хайдеггера). По сей день нет ответа на вопрос о том, откуда в человеческий мир «приходит» ценность. С другой стороны, ценность трансцендентальна, поскольку является неустранимой и незаменимой формой организации эмпирической сферы, духовно-практического опыта человека.

Юридическое мировоззрение «срабатывает» в правоприменительной деятельности как бы в зазоре между общей нормой и казусом. Не случайно, полемизируя с юридическим

позитивизмом Г. Харта, Р. Дворкин делает отправным пунктом своих рассуждений ситуацию вынесения судебных решений в особых случаях, когда прямое применение правила затруднительно и в силу этого необходима апелляция к ценностным принципам данной правовой системы.

Ссылаясь на многовековую традицию, к фундаментальным правовым ценностям единодушно причисляют свободу, справедливость, равенство. Причем первое и второе из названных понятий в равной мере принадлежит и моральному сознанию. В настоящее время, как и прежде, является теоретически «открытым вопросом о соотношении содержательной (акцентируемой в естественном праве) и формальной (акцентируемой в позитивном праве) сторон права»¹. Но в том-то и дело, что соотношение содержательного и формального начал в праве неустойчиво, подвижно. Принцип формального равенства неизменно сосуществует с принципом столь же формального неравенства (всякое правило оговаривает изъятия, исключения), вводимым по содержательным соображениям справедливости.

Известно, что еще Аристотель выделил два рода справедливости. Справедливость распределяющая предписывает вознаграждать каждого по достоинству, т.е. пропорционально его личному вкладу в общее дело. Последнее предполагает общую цель, и, следовательно, понятием распределяющей справедливости полагается особая ценность – *общее благо*. На признании данной ценности основываются юридический морализм, юридический патернализм и классические концепции естественных прав. Помимо телеологизма, эти подходы характеризуются отождествлением разумного и морального. Здесь и зарождается первая дихотомия юридического мировоззрения, а именно: общее благо противостоит благу особенному. Общее благо, отчуждаясь от индивида – субъекта правоотношений, предстает в сознании последнего как благо Общего (общества, тотальности, конкретно-всеобщего). Не случайно

¹ Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995. С.30.

Р.Дворкин разграничивает «апелляцию к правам» и «апелляцию к соображениям государственной выгоды». Особенности субъекты (индивидуальные или групповые) «должны быть уважаемы и защищены определенным образом на основании соображений, отличных от соображений государственной выгоды»¹. Как подчеркивает Р. Дворкин, «индивиды имеют права тогда, когда, по некоторым причинам, коллективная цель – недостаточное основание для причинения им некоего вреда или ущерба»².

Благо Общего находится в противоречии с благом Особенного (правоспособного индивида), т.е. по отношению к первому последнее может выступать как не-благо. Следовательно, индивидуальное право есть притязание на известную долю зла, «некоторую свободу быть безнравственным»³. Наряду с правовой ценностью общего блага мы должны, таким образом, признать и противоположную ей (но в равной мере имеющую правовой статус) ценность – *самоценность инаковости*. То, что в количественном аспекте можно назвать диалектикой единого и многого, в аспекте качественном предстает как взаимоотношение противоположностей тождественного и иного.

Дихотомия «общее благо – самоценность инаковости» порождает два противоположных типа юридического мировоззрения. Первый тип может быть назван «*имперским*». Его основополагающая ценность – общее благо (благо Общего), гражданский идеал – единство в многообразии, политическая цель – единение во имя внутренней стабильности и внешней безопасности.

Противоположный тип юридического мировоззрения условно можно обозначить как «*федералистский*». Положенная в его основу фундаментальная ценность – инаковость (тракуемая в духе «Негативной диалектики» Т. Адорно). Гражданский идеал – партнерство, взаимовыгодный контакт, конструктивный диалог. Политическая цель – открытое, динамичное, свободное от тоталитарных тенденций общество.

¹ Моисеев С.В. Философия права. Курс лекций. Новосибирск, 2003. С. 67.

² Там же.

³ Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1996. С. 329, 331.

Аристотель говорит также об уравнивающей справедливости, которую он характеризует как справедливость в обменах: «Что же касается правосудия при обмене, то оно... соответствует... пропорции... арифметической. Ведь безразлично, кто у кого украл – добрый у дурного или дурной у доброго..., но если... один причинил вред, а другому он причинен, то закон учитывает разницу только с точки зрения вреда, с людьми же он обращается как с равными»¹. «Справедливое равенство – это середина между «больше» и «меньше», а нажива и убыток – это «больше» и «меньше» в противоположных смыслах. Серединой между тем и другим оказывается справедливое равенство, которое мы определяем как правосудное...»². Таким образом, смысл уравнивающей справедливости – в том, чтобы соблюсти в человеческих отношениях равновесие между лишением и преимуществом, ущербом и выгодой, т.е. обеспечить каждому равную меру *свободы*, которая может иметь и экономическое выражение. В самом деле, нищий, должник, банкрот является абсолютно зависимым и постольку – рабом. Уравнивающая справедливость подразумевает равенство, состоящее в «бытии-свободным». Так от идеи равенства мы приходим к единственной собственно правовой, т.е. имманентной праву, ценности – свободе.

Но и последняя имеет свою «мировоззренческую ойкумену». Не случайно ныне столь популярны заявления о формальном характере свободы выбора, об иллюзорном характере «самоопределения через поступок». Индивид, которого классическая традиция в лице, скажем, И. Канта, признавала способным самостоятельно начинать ряд событий, оказался не более чем продуктом социокультурных («властных») технологий. Свобода, таким образом, предполагает *субъектность*, а последняя – условия своей возможности (разум и автономную – от мотивов, предопределенных природной каузальностью, – волю). *Разум (мысль) и автономная воля* входят в

¹ Аристотель. Никомахова этика // Соч.: в 4 т. Т.4. М., 1984. С.152-153.

² Там же. С.153.

царство ценностей (значащих идеальностей), поскольку мыслятся как предельные условия возможности практической свободы.

Применительно к европейской культурной традиции считается, что разумное начало в человеке открыли эллины. По выражению И.П. Малиновой, мировоззрение древних греков отличалось такой чертой как «результативный утопизм»¹. Это означает, что гармония и совершенство в обществе, человеческом мире могут и должны быть результатом организующей силы разума, совместно (в ходе коллективных обсуждений и публичных выступлений) принятых решений. Однако, сам разум – сверхчеловеческой природы. Юридическое мировоззрение многих следующих столетий – это мировоззрение, в основу которого положен принцип вытекающего из объективного разумного начала (естественного разума или божественного Логоса) единства свободы, справедливости (естественного права) и закона (позитивного права). Это мировоззрение составляет единую основу развития философии, правосознания и юридической науки со времен Античности до Нового времени, а также образует предпосылку немецкой классической философии права. Так, «Кант рассматривает государство как персонификацию разума, диктующего нормы человеку»². Субстанцией права выступает сама разумность мироустройства, а свобода – вспомним Спинозу – совпадает с разумной и потому познаваемой человеком необходимостью.

Примечательно, что правовым основанием закона и договора в понимании греков выступает честность, т.е. правдивость, верность данному слову, высказанной мысли, «со-глашению». «Соглашаться» буквально означает «одинаково говорить». Соглашение – это как бы схождение в одну «точку» ментального пространства, высказывание одной и той же мысли, к которой разные люди пришли различными путями. *Единомыслие*, согласие как минимум двух мнений, рассуждений гарантирует правовой характер договора (закон

¹ Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). Екатеринбург, 1995. С.9-10.

² Там же. С.30.

государства – разновидность договора), который и есть единственный источник юридической силы последнего. Приведенная мысль явно высказана Платоном: «Что делается с обоюдного согласия, то «законы, эти владыки государства», признают справедливым»¹. Исследователь истории римского частного права И.С. Розентель, характеризуя взгляды Цицерона и юриста Ульпиана, отмечает, что «в Риме только к концу республики появляется такая мысль и притом в устах людей, впитавших в себя греческую культуру»².

Римский дух, в противоположность эллинскому, часто связывается с понятиями «воля», «воление». «Здесь отправным пунктом понимания мира и образования метафизических понятий служит и роль воли... Это власть суверенной высшей воли над всем миром, отграничение ответственной свободы личности по отношению к этой власти, отграничение сфер господства отдельных волей друг от друга в правовом устройстве общества, закон как правило этого отграничения, снижение объекта до подчиненной воле вещи, внешняя телеология»³. Если эллинская культура, исходя из понятий Логоса, Номоса, дала начало *дискурсивному* типу юридического мировоззрения, то с влиянием Рима связано возникновение противоположного типа – мировоззрения *командного*, непосредственно опирающегося на представления о личности, личной воле. Если эллины ценили единомыслие, то римляне – *единоначалие, субординацию* и силы, охраняющие последнюю (т.е. не только силу оружия, военную и вообще физическую силу, но также силу правила, закона).

В «Дигестах» читаем: «Кто говорит одно, а хочет другого, тот не говорит того, что означают его слова»⁴. Цельс, Папиниан и другие юристы считали возможным обнаружить «волю» путем прояснения смысла текста закона, договора или завещания. При этом ссылались

¹ Платон. Пир // Собрание сочинений в 4 т. Т.2. М., 1993. С.105.

² Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М., 1994. С.316.

³ Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / В. Дильтей. Москва-Иерусалим, 2000. С.13.

⁴ Римское частное право... С.316.

на замечание Аристотеля о законе: «Нужно обращать внимание не на слово (logos), а на намерение (dianoia)»¹. Понятие «dianoia» обозначает смыслообразование, движение мысли, т.е. сугубо интеллектуальный акт. Греки противопоставляли этой дискурсивной мысли (раз-мышлению) «ноэсис» как мысль интуитивную. Вероятно, греки считали, что действие следует мысли и непосредственно подчиняется ей. Римляне же, противопоставив слово как волеизъявление намерению, извлекли из последнего понятие о «воле».

Необходимо, однако, сделать любопытное замечание. Некоторым римским юристам классического периода понятие «воля» представлялось далеко не самоочевидным, и они нередко избегали его при решении правовых вопросов. Так, в описанном Цицероном наследственном процессе (causa Cuijana) Сцевола, возражая Крассу, заявил: «Было бы ловушкой для народа, оставив в пренебрежении написанный текст, заниматься розыском воображаемой воли завещателя»². Воля, таким образом, не «прячется» за текстом как его скрытый смысл: воля всегда «открыта», она есть – непосредственным образом – деяние (приказ и его исполнение).

Классическая европейская философия стремилась обосновать паритет разума (мышления) и воли в праве, их гармонию, но де-факто подчинила волевое начало разуму. Как известно, Кант положил в основание практической свободы (а значит и права) волю, могущую определяться мотивами, представляемыми только разумом. Гегель, рассматривая право в качестве наличного бытия свободной воли, пишет: «Воля есть особый способ мышления: мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие»³.

Вероятно, дальше всех в разграничении мышления и воли идет Ф. Ницше, анализирующий не гипотетическую способность («волю»), а реальное действие («хотение»). «Хотение есть... нечто сложное,

¹ Римское частное право... С. 316.

² Там же. С. 317.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. М., 1990. С.69.

имеющее единство только в качестве слова... В каждом хотении есть, во-первых, множество чувств ... Во-вторых,.. в каждом волевом акте есть командующая мысль... В-третьих, воля есть... к тому же эффект команды»¹.

Однако, радикализацию воли в качестве правовой ценности осуществляет юридический позитивизм. Право понимается здесь как сугубо волевой феномен. Первоисточник права (закона) – не порядок-правило, основанное на разуме (раз-мышлении и со-глашении), а порядок-команда, акт повелевания. Суверен – это не персонификация разума, но личность, как сила, способная подчинять, в том числе угрожать санкцией. Исходный пункт юридического позитивизма сформулирован в теории Дж. Остина: воля личности и сила этой воли есть вопрос факта; право фактично, т.к. оно есть просто констатация силы личной воли. Универсальное правообразующее правило с этой точки зрения предстает как требование «Подчиняйся сильнейшему!».

Юридическое мировоззрение, полагающее в основу права разумное начало (мышление) и, соответственно, признающее высшей правовой ценностью единомыслие, мы назвали дискурсивным. Можно предположить, что именно с этим типом связана симпатия к республиканской форме правления. Обладатели мировоззрения командного, связывающего право с личностно-волевым истоком, с ценностью единоначалия, вероятно, отдадут предпочтение монархии. Однако, по замечанию Гегеля, монарх господствует не как внешняя сила, а как сила собственного духа народа. Подлинная личность есть народ, созидающий государство. Последнее, напомним, есть «действительность нравственной идеи – нравственный дух как очевидная,.. субстанциальная воля, которая выполняет то, что она знает и поскольку она это знает»². Монарх же есть юридически представляющее этот дух лицо: «В народе, который мы ... мыслим как внутри себя развитую, истинно органическую тотальность, суверенитет выступает как личность целого, а она в соответствующей

¹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.2. М., 1990. С.254.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С.279.

ее понятию реальности выступает как *лицо монарха*»¹. Стремление к паритету двух конституирующих практическую свободу начал в сочетании с «имперской» мировоззренческой доминантой – признанием ценности Общего как целостности – выразилось у Гегеля в идеале конституционной монархии.

Политическое государство включает в себя, по Гегелю, следующие «субстанциальные различия»: власть законодательную, власть правительственную, а также «власть субъективности как последнего волевого решения, *власть* государя, в которой различные власти объединены в индивидуальное единство и которая, следовательно, есть вершина и начало целого – *конституционной монархии*»².

Итак, представляется возможным обозначить социокультурные истоки, а также выделить специфические черты типов юридического мировоззрения. В основу типологии положен ценностный критерий. Двойное понимание ценности-цели влечет за собой два возможных типа юридического мировоззрения (имперский и федералистский). В зависимости от предпочитаемой ценности-средства достижения цели различаются дискурсивный и командный типы.

Динамика юридического мировоззрения в целом определяется возможностью различных сочетаний названных типов как его абстрактных моментов. Исследования в этом направлении представляются актуальными, в том числе и по причинам сугубо практического (политического) характера: становление России как державы ставит задачу скрупулезного учета «веса» и значения каждой мировоззренческой составляющей.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ НИГИЛИЗМА КАК КАЧЕСТВА БЕЗДУХОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

М.Ю. Прокопьева

В отечественной философии феномен нигилизма исследован недостаточно. В справочной литературе под ним понимается

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права... С.321.

² Там же С.311.